

Интеллигенты по прямой

Конечно, мы – физики, математики, историки, словесники – в зависимости от предмета, который ведем. И, конечно же, мы – педагоги, но не только. Как дети не лишь учащиеся, так и взрослые не лишь учителя. Что мы читаем, кроме периодической литературы? Что смотрим? О чем думаем? Что болит? И еще, наш журнал приведет к вам в дом немало интересных, достойных собеседников. Об этом и многом другом – наша рубрика.

Инга Преловская,
журналист

Если наше обучение давно подвластно науке, то воспитание и сегодня область, полная загадок и парадоксов. Оно остается в большей мере искусством, чем наукой, и к верным решениям часто приводит не логика, а интуиция, которую подпитывает практика. Не потому ли мы с особенным интересом относимся к жизненному опыту и судьбам людей

незаурядных, добившихся успеха, уважения, известности? Кто и как их воспитывал? Что в человеке от среды, а что от природы? Как не упустить таланты, которые даны от рождения? Насколько творческое начало связано у человека с его душевными качествами и устремлениями? Вопросов тьма. И они нас всех волнуют. Некоторые из таких вопросов я и задала

членам одной яркой и разносторонне талантливой семьи.

Действительный член Российской академии наук и лауреат Государственной премии Павел Васильевич Симонов около двадцати лет руководил академическим Институтом высшей нервной деятельности и нейрофизиологии, а теперь в свои 75 лет возглавляет в нем ведущую научную лабораторию. Образные и лаконичные названия книг Симонова дают представление о круге его исследований: “Эмоциональный мозг”, “Мотивированный мозг”, “Созидающий мозг”... Ученый экспериментально обосновал свою теорию нервной деятельности, которую назвал потребностно-информационной. Роль эмоций в поведении человека и животных она связывает с вероятностью удовлетворения насущных потребностей, которые Симонов делит на биологические, социальные и духовные. Характеристика личности, считает он, начинается с уяснения ее потребностей, поскольку они и производные от них интересы, желания, ценностные ориентации составляют основу человеческого поведения.

Одну из последних книг “Лекции о работе головного мозга” Симонов посвятил своим детям Евгению и Юрию, внутренней близостью с которыми особенно дорожит. Евгения Симонова — народная артистка России, одна из ведущих актрис Московского академического театра имени Маяковского. Зрители хорошо знают ее и по фильмам: она снялась в трех десятках картин. А Юрий Павлович Симонов-Вяземский, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО, многим знаком как автор и ведущий интеллектуального телешоу “Умники и умницы”, которое не сходит с экрана почти десять лет.

**Академик Павел Симонов:
“Воспитание человека —
это вооружение его потребностей”.**

Одно из ключевых слов, встречающихся в работах Симонова, — “вооружение”. Так он называет оснащение, снаряжение потребностей человека с самого детства.

— Павел Васильевич, почему ребенок, зная, чего мы от него хотим, случается, делает это с точностью до наоборот? Слушает, но не слышит. Почему наши слова, продиктованные искренней заботой о нем, не достигают цели?

— Так бывает тогда, когда наше требование идет вразрез с доминирующей потребностью ребенка. Мы запрещаем ему лазать по деревьям, бегать сломя голову, толкаться и драться на переменах в школе. А у него есть возрастная потребность в движении, преодолении препятствий, самоутверждении себя в своей группе сверстников.

— Ну да, Януш Корчак в своей книге “Как любить детей” вспоминает чрезвычайно шустрого мальчика, которому приходилось говорить что-то вроде: дерись, но не слишком больно, бегай, но не до упаду... Запрещать было бессмысленно.

— Потребности ребенка могут оказываться сильнее предупреждающих сигналов сознания. Но ту же потребность в риске можно корректировать, вооружая ребенка знаниями, умениями и навыками, снижающими порог этого риска. Человек должен преодолевать страх, усталость, робость. Он закаляет свою волю. И это тоже его жизненная потребность.

Воспитывают человека не столько наставления, обращенные к его сознанию, сколько действия старших, их пример, их жизнь. Обучение непосредственно адресовано сознанию, а воспитание в значительной мере процесс подсознательный. Вот это многие и не учитывают в своей практике. Исходная потребность в вооружении с раннего детства проявляется в подражании и игре. Подражание — самое эффективное воспитание. Ребенок осваивает речь окружаю-

щих, не осознавая, как произносятся звуки, связываются слова. И так же входят в сферу подсознания образцы поведения окружающих ребенка людей, героев басен и сказок, усваиваются социальные нормы, которые переживаются нами потом как “звон сердца”, “голос совести”. Именно поэтому воспитание и начинается с пеленок.

А игры — это интенсивная тренировка механизмов творческой интуиции, сверхсознания. В сверхсознании происходит перестройка следов ранее полученных извне впечатлений, возникают новые связи между ними, что приводит к догадкам, озарениям. Если подсознание в процессе длительной эволюции освободило сознание от перегрузок, то неосознаваемость творческой интуиции — это ее защита от преждевременного вмешательства здравого смысла. В творческом диалоге всегда звучат два голоса: фантазирующий и критический, и второй не должен заглушить первый.

Детская игра требует находчивости, смекалки, быстроты решений, и в этом творческом процессе догадки следуют одна за другой. Не зря говорят, что творческие личности — это люди, сохраняющие детскость, свежесть взгляда, способность удивляться. Исследовательский азарт особенно свойствен ученым и детям.

Талантливые люди ищут решение проблем по всем возможным направлениям и улавливают связи между вещами, на первый взгляд, не имеющими ничего общего. Кекуле нашел формулу бензола, увидев сцепившихся хвостами обезьян, Менделеева на мысль о периодической системе элементов навел пяссыанс. Творческая интуиция “работает” на удовлетворение потребности, которая у человека наиболее сильна.

— В общем, даже Бог не смог обуздать у Евы и Адама непреодолимую потребность познания. Принято думать, что человек воспитывается на своих ошибках. А какова роль успехов?

— Чувство радости даже при небольшом успехе усиливает потребность достижения конечной цели. А корни неудач — в недостатке вооруженности. В воспитании ребенка встречаются две крайности. Одни преуменьшают, а другие преувеличивают зна-

чение увлеченности каким-либо занятием. Увлеченность открывает дорогу к открытиям. Увлеченность, не подкрепленная трудом, ведет к дилетантизму. Радость узнавать неполноценна без радости уметь и мочь.

— Когда ребенок рождается в семье интеллигентов в четвертом или пятом поколении, получает ли он от природы интеллектуальные преимущества? У нас все чаще говорят об истощении интеллектуального генофонда.

— Я не генетик, но думаю, что названный вами срок слишком короткий для такого следа в наследственности. А вот круг занятий, интересов, увлечений семьи, безусловно, влияет и на развитие интеллекта. Цель воспитания — это, в конечном счете, формирование у человека потребностей, ценных и для личности, и для общества. Но наши знания этой области человековедения пока ограничены.

— Кто-то сейчас горько сетует, что в обществе угасает чувство солидарности людей, уходит стремление жить не только для себя, но и для других. А кто-то радуется, что человек, обретая свободу, начинает полагаться только на себя, и это повышает его энергию, самостоятельность. Но кто бы что ни говорил, общество без альтруистов духовно беднеет. Насколько же глубоки корни альтруизма в самой природе человека?

— Историю альтруизма можно было бы начать с описания экспериментов, которые проводили с крысами. Эти животные боятся открытого освещенного пространства, и эта их особенность использовалась нами в экспериментах. Установка состояла из просторного помещения и полутемного “домика”. Когда испытуемое животное спешило в “домик”, то наступало на педаль, и в этот момент ток раздражал лапы ее партнера по опыту, находившегося за прозрачной звукопроницаемой перегородкой. Жертва пищала и прыгала от боли. Треть подопытных крыс сразу отказалась причинять боль партнерам, составив группу чистых “альтруистов”. Две трети оказались “эгоистами”, но, побывав в роли жертв, часть из них примкнула к “альтруистам”. И только четвертая часть всех крыс стойко не реагировала на страдания других. В опытах выяснилось, что “эмоциональный резонанс” связан с некоторыми особенностями мозга животных. Природа выработала такое соотношение

“эгоистов” и “альтруистов”, которое обеспечивает жизнеспособность вида. “Альтруисты” оказались более смелыми, менее осторожными исследователями, чем “эгоисты”. Качество ценное, хотя и делающее их более уязвимыми. Соотношение “альтруистов” и “эгоистов” сохранялось в экспериментах исследователей с собаками, обезьянами и... с людьми. Их проводил американский ученый Милгрэм. Правда, “жертвой” в них выступал актер, имитировавший боль. Хотя с человеком все сложнее, поскольку вмешивается социальный фактор.

— Скажите, а в Вашей жизни альтруизм людей сыграл свою роль?

— Мою судьбу определили три встречи. Когда я был ребенком, по соседству с нами жил скульптор Василий Львович Симонов, профессор Ленинградской академии художеств. Детей у него не было и он очень охотно занимался мной, водил в зоопарк, рассказывал о животных, об их повадках, поощрял мою любознательность. В 1937 году расстреляли моего отца, военного, и сослали на Север моих мать и сестру. И тогда Василий Львович меня усыновил. Он открыл для меня и мир искусства, и путь к естественным наукам, к которым я питал склонность. Этот истинно интеллигентный человек стал моим духовным отцом.

В физиологию я шел со стороны искусства. Работая в госпитале имени Н. Бурденко, я увлекался не только наукой, но и театром. Ходил в драмкружок, изучал Станиславского. А уехав в длительную командировку на Тикси, написал там свою первую книгу о методе Станиславского и физиологии эмоций. Рукопись я дерзнул передать тогдашнему корифею физиологии академику Леону Абгаровичу Орбели, и он своим отзывом благословил меня продолжать это исследование. А условия для работы мне бескорыстно создал другой крупный физиолог — Эзрас Асратович Асратян: его собственные исследования шли совсем в другом направлении, но он организовал у себя в институте лабораторию по моей тематике.

— Но как учить детей альтруизму?

— Так, как учат языку. Создавать условия, в которых ребенок получит радость от хорошего поступка, от собственной доброты. Не бояться открывать

ему свою боль, свои переживания. Я не знаю, вспоминают ли сейчас Сухомлинского. А он, опытный педагог, писал: “Труд души — это значит страдать, болеть страданиями и болями другого человека, прежде всего матери, отца, сестры, бабушки, бабушки...”

— Вы много времени уделяли воспитанию Ваших детей?

— Я всегда был очень занятым человеком. Но, по-моему, воспитывает детей вся наша жизнь, весь семейный уклад.

Евгения Симонова:

“Мы росли в открытом, теплом доме...”

— Евгения Павловна, Ваша актерская карьера началась блистательно. В девятнадцать лет Вы снялись в неувядаемом фильме Леонида Быкова «В бой идут одни «старики»». И потом одна за другой выходили хорошие картины, в которых Вы играли интеллигентных, хрупких и в то же время самоотверженных, стойких героинь: принцессу в захаровском “Обыкновенное чудо” и в паре с великим Солоницыным будущую жену Достоевского Анну Григорьевну Сниткину, и чеховскую героиню в “Рассказе неизвестного человека” Жалакявичуса... Разнообразные женские натуры с богатым внутренним миром. Казалось, за этим должен стоять непростой жизненный опыт, но его-то еще у Вас не было. Что Вам помогло так играть?

— Мы черпаем опыт не только из собственной жизни, но и из жизни тех, кто нас окружает. У меня была замечательная мама, львиную долю семейных забот бравшая на себя. Что она значила для семьи — трудно даже описать. Она очень любила отца. Рано поняла ему цену, верой и правдой служила ему, оберегала его покой. Его работа была окружена благоволением. В семье был культ отца, и нас с братом она воспитывала в любви и почтении к нему. А папа был фанатиком в работе. С детства в моей памяти — в клубах табачного дыма его спина, склоненная над письменным столом. И мы знали, что жизнь не может быть полной, если любимое дело не занимает в ней самое большое место. Мама была центром семьи, стержнем, организующей фигурой, а отец — высшим

авторитетом. Мама очень верила и в наши таланты, говорила, что вокруг нее яркие личности. Хотя сама она была блестящим преподавателем и, между прочим, всех нас, включая папу, выучила английскому.

У меня были и две удивительные бабушки, у каждой из которых по-своему драматическая судьба. Мать отца оказалась в ссылке без работы. И выросшая с гувернантками хрупкая молодая женщина “из бывших” стала ночным сторожем дровяного склада. А нелегально выбираясь изредка в Ленинград, она на ночь не оставалась у близких, чтоб не подвести, бродила по городу. Но, вспоминая прошлое, Мария Карловна никогда не жаловалась, а обо всех своих долгих злоключениях рассказывала с юмором. Самоотверженность была и в натуре маминой мамы Зои Дмитриевны. Она рассказывала нам, как жили в эвакуации, в Голодной степи. Она получала в городе карточки на весь поселок. Однажды не смогла попасть на обратный поезд и всю ночь, пересиливая страх, шла пешком, чтоб утром принести людям карточки, и они смогли их отоварить. Вот эта надежность, достоинство, жертвенность, верность — все было заложено в моих бабушках, моей матери, ее сестре. Я с детства видела проявления этих возвышенных чувств. И что-то мне, наверное, удавалось донести до зрителя в своей игре. Но тогда я не формулировала это для себя в виде какой-то четкой идеи. Скорее это происходило интуитивно. Просто мне посчастливилось родиться и расти в открытом теплом доме.

И для меня главное, чтоб продолжалась эта непрерывность: мои бабушки — моя мать — я — мои дочери — внуки...

— *Для человека очень непросто выбрать дорогу, оценить свои способности. Когда Вы почувствовали в себе божью искру таланта, кто Вам помог определиться? И как рано это произошло?*

— В детстве я, как и многие девочки, мечтала о театре. Я серьезно училась музыке в Гнесинской школе. С братом, который старше меня на четыре года, мы вместе музицировали. Он играл на скрипке, я — на фортепиано. Вместе слушали музыку дома: на пластинках был огромный оперный репертуар, скрипичная, фортепианная музыка. Брат научил

меня играть на гитаре. Дома он ставил целые балетные спектакли для нас двоих. В семье наши увлечения поощрялись. А когда Юра стал старше, то начал писать песни. Мы с ним выступали в клубе МГИМО. Но я тогда увлекалась и конным спортом. Мои мысли не были сосредоточены на театре. Я готовилась поступать в пединститут по примеру мамы. Но как-то Олег Ефремов пригласил папу прочесть лекции о физиологии эмоций для режиссерской группы школы-студии МХАТ. Папа увлеченно рассказывал дома о постановках, репетициях, занятиях, экзаменах в этой школе, и я загорелась — только туда.

Артистизм у меня, кстати, от папы. Его лекции в Политехническом меня просто завораживали, хотя я не все понимала. Помню, как легко, остроумно, живо он отвечал на вопросы. Папа показал меня видному преподавателю школы. Меня поддержал и папин друг, соавтор по нескольким их работам, известный театральный деятель Петр Михайлович Ершов. Конкурс, мне казалось, я проходила гладко. Но вдруг меня вызвал директор школы-студии и сказал, что из уважения к отцу они “переваливали” меня с тура на тур, но в конце концов убедились, что актрису из меня не сделают. Это был удар, и особенно меня задело слово “переваливали”. В общем, “по благу” мне поступить в театральный вуз не удалось. Но это меня не остановило. Я пошла сдавать экзамены в ГИТИС. Оттуда завернули. Я пошла в Щукинское училище. И уж не знаю, какое произошло со мной чудо, но меня приняли.

Студенткой я попала в кино, подряд снялась в нескольких хороших картинах и, когда пришло время выпуска, меня пригласил в свой театр Андрей Александрович Гончаров. И вот 25 лет я служу в этом театре.

— *Ваши дочери идут по Вашим стопам?*

— Старшая, Зоя Симонова, — уже актриса. Она окончила ГИТИС, и их курс поющих драматических актеров взял в свой театр Геннадий Хазанов. Зоя приобщилась к театру, можно сказать, с рождения. Когда Андрей Александрович брал меня в театр, я несколько минут колебалась сказать не сказать, что жду ребенка. Но совесть не позволила промолчать. А

он великодушно взял меня несмотря на это обстоятельство. Через два месяца после родов я вернулась в театр и вскоре играла Нину Заречную в “Чайке”. А сейчас Зоиному сыну полтора года, и у меня захватывает сердце, когда он произносит: ба-ба.

Младшей дочери Маше Эшпай — пятнадцать. Она учится в Центральной музыкальной школе. Недавно снялась со мной в фильме моего мужа режиссера Андрея Эшпая “Цветущий холм среди пустого поля” по давней повести моего брата — Юрия Вяземского. (Когда Юра стал писать прозу, то взял фамилию мамы как свой псевдоним.) Моя Маша очень похожа на меня и многие думали, что в фильме использованы мои архивные съемки.

Дочери выросли в ауре театра и вполне естественно, что это не могло не влиять на их выбор.

Юрий Симонов-Вяземский: “Я люблю всех умников”.

— *Вашей работоспособности, Юрий Павлович, можно подивиться и позавидовать — заведуете кафедрой и читаете курс западной литературы в МГИМО, руководите своей студией “ТВ — Образ”, еженедельно ведете интеллектуальное шоу, пишете книги. Как Вам удалось так себя организовать?*

— У меня, как вы знаете, папа — трудоголик. Мама тоже была величайшей труженицей. Сам же я восемь лет учился в музыкальных школах при Ленинградской и Московской консерваториях. Ну а на скрипке сначала играют два часа в день, потом — три, потом — четыре, и все мало.

Однажды я пробился за кулисы к знаменитому Исааку Стерну. И он спросил меня по-русски: “Вы тоже работаете на скрипке?” Точнее не скажешь. Я честно “работал” на ней до тех пор, пока не осознал, что это — не мое. Со мной учились дети, для которых отлучение от инструмента было наказанием. Я такого ощущения не испытывал и, наконец, понял, чем талант отличается от способностей. Тогда я стал яростно изучать английский, потому что решил поступать в МГИМО, а до этого учил в школе немецкий. Вот тут я оценил и то, что дала мне скрипка, — научи-

ла работать через “не хочу”. За два года я весьма прилично овладел английским.

— *Но на нем не остановились? Сколько Вы знаете языков?*

— Не считая русского — пять, но в разной степени. Английский и французский — свободно, на немецком и шведском общаюсь, а недавно выучил испанский, когда мы с женой решили отдохнуть в Испании.

— *Как Вы думаете, что все-таки родители могут программировать в жизни своих детей?*

— Прежде всего есть наследственность, но если вы хотите знать, старался ли я запрограммировать жизненный выбор своих детей, навязывал ли им что-то, нет. Этого не было.

— *Ваша старшая дочь окончила Литературный институт. Младшая — студентка МГИМО. Влияние все-таки чувствуется...*

— Так я же общаюсь с ними, у нас есть взаимопонимание. Поэтому мне легко было привлечь дочь к участию в моей телепередаче. Она хорошая помощница. Но сейчас Настя в декретном отпуске, и придется найти ей замену.

Важно распознать, к чему дети наиболее способны, а для этого предоставить им больше возможностей проявить себя. За это я благодарен родителям. Мы с сестрой не стали музыкантами, но музыка принесла нам много радостей. В детстве она нас сдружила, дав совместные занятия. Когда я стал писать песни, то естественно, что Женя их пела. Мы выступали, у нас были общие переживания.

Женя — талантливая актриса, но на ее премьерах я теперь сижу ни жив ни мертв от волнения. Я очень боялся момента, когда ей придется переходить в новый творческий возраст, но она этот рубеж достойно преодолела. Хорошо, когда семья может вводить детей в мир искусства. Хотя искусство напрямую не учит добродетелям, но оно развивает чувства и, как говорил Сенека, подготавливает душу к восприятию добродетелей. Поэтому я считаю музыку столь полезной в воспитании.

— *Как сохранить любовь и доверие взрослеющих детей?*

— Любить их. Это встречное чувство.

— Но почему все-таки бывает так, что доверие уходит?

— Дети не прощают нам высокомерия. Они очень уязвимы, особенно подростки. Их нельзя обижать и унижать. Вспомните “Детство, отрочество, юность” Толстого. Читая, чувствуешь, что от отрочества в его душе навсегда осталась незаживающая рана.

— Юрий Павлович, я постоянный зритель Вашей интеллектуальной олимпиады старшеклассников. Ребята в ней так свободно входят в роли VIP-персон истории, держатся так светски — непринужденно, проявляют столь незаурядную эрудицию, что невольно возникают вопросы: где Вы их находите и как с ними работаете?

— За десять лет наладился механизм многоэтапного отбора участников, сложились связи с московскими школами. Идет переписка с иногородними детьми. Дети разные. Из благополучных семей и неблагополучных, из разных слоев населения. Социальный спектр пестрый, и единственное ограничение: мы не берем детей из семей с громкими фамилиями.

Своих умников мы не учим и не готовим, но мы с ними играем. Игры расковывают, и они становятся сами собой. Я придерживаюсь сократовского метода общения с этими ребятами: мы узнаем друг друга в процессе диалогов, обсуждения различных тем.

— Что от них требуется прежде всего?

— Эрудиция и живость ума. И должен отметить, что, в отличие от студентов, они хорошо ориентируются в книжном пространстве.

— Каких умников вы любите?

— Я всех люблю — и скромных, и нагловатых. В крайнем случае заставляю себя их любить.

— Но что-то же Вам в ком-то не нравится? Вы можете дать это почувствовать хотя бы очень деликатно?

— Мне не симпатичны заносчиво самоуверенные и глупо завистливые.

— За эти десять лет проявились какие-нибудь заметные отличия, особенности у Ваших умников?

— Нет, не наблюдал. Я полагаю, что у всех этих ребят есть что-то общее. В свое время я писал о раз-

витии духовности в древних цивилизациях. И мне кажется, что умники всегда были умниками. И в Древнем Египте, и в Риме..

— Самые эрудированные, сметливые и удачливые умники по условиям олимпиады становятся студентами МГИМО, так что между старшеклассниками и студентами расстояние невелико. Пестуя всех этих молодых людей, что Вы им прощаете и что не готовы простить, встречаясь на экзаменах?

— Я ценю основательность знаний, самостоятельность мышления, умение доказывать свою позицию. Я готов принять неожиданную точку зрения, если в ее пользу приведены убедительные доказательства. Вспомните Джоконду — сколько версий в трактовке ее образа! Можете привести любую, если способны ее обосновать. Я вырос в советской школе, и она своей прямолинейной дидактикой отвратила меня от писателей, которых я лишь позже полюбил. Когда нам говорили, что Пушкин и Толстой образами Татьяны и Наташи хотели сказать то-то и то-то, не терпелось воскликнуть, откуда вы это знаете. Ведь, начиная работать, признавались писатели, они и сами еще не знали, что могут учудить их герои.

Великие художники открывали великую правду о человеке, но эта правда индивидуальна. Каждый должен сам найти пересечение своих чувств и мыслей с чувствами и мыслями героев. У каждого своя Татьяна, своя Наташа, свой Гамлет. Такие произведения надо прожить как духовные события твоей жизни. К пониманию этого я и стараюсь подводить своих студентов.

— В Вашем шоу ребята не пытаются “играть” своих героев, но, взяв на себя их роли, держатся естественно и раскованно, что внутренне согласуется с заповедью: не сотвори себе кумира. И это радует. А какое удовлетворение Вы сами получаете, общаясь с этими подростками?

— Они поддерживают мой оптимизм и надежду на лучшее будущее. Встречаясь с ними, я вновь и вновь убеждаюсь, что Россия — страна феерических самородков. Это и вдохновляет меня вытаскивать умников на свет.